

Родная Старина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р60

Р60 Родная Старина / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 260 с.

ISBN 978-5-458-01789-3

Родная Старина. Отечественная история в рассказах и картинах (с IX по XIV ст.)

ISBN 978-5-458-01789-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Преподаваніе отечественной исторіи въ нашихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ начинается обыкновенно въ среднихъ классахъ. Учащимся лѣтъ 13—15 дается въ руки учебникъ, который и представляетъ основу преподаванія. Учитель долженъ позаботиться, чтобы учащіеся вполне *помяли* и *усвоили* учебникъ. Учебники исторіи, даже и наилучшіе, представляютъ по самой сущности своей сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель—хорошій рассказчикъ и могъ бы своими разсказами вызывать у учащихся живыя представленія историческихъ событій и лицъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ состояніи это дѣлать: времени на уроки отечественной исторіи отводится обыкновенно немного, да при томъ половина его уходитъ на необходимое спрашиваніе уроковъ. Сухое же изложеніе фактовъ, не затрогивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и при томъ скучныя повторенія одного и того-же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи.

Если примемъ во вниманіе, что только крайне незначительному меньшинству удается слышать профессорскія лекціи по Русской исторіи, что научныя сочиненія малодоступны для обыкновеннаго читателя,—то поймемъ, почему знаніе родной исторіи не процвѣтаетъ у нашего юношества.

А между тѣмъ отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, только тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ,—не говоримъ уже—жить однимъ сердцемъ съ нимъ,—кто хорошо знаетъ пережитое и передуманное имъ.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій.

Болѣе заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало по малу вводятъ своихъ учениковъ въ чтеніе историческихъ сочиненій, совѣтуя имъ иногда прочесть извѣстныя главы или страницы изъ сочиненій Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Хрестоматія по русской исторіи гг. Гуревича и Павловича, представляющая хорошій подборъ статей изъ научной литературы по Русской исторіи). Но чтеніе историческихъ сочиненій и научныхъ статей возможно лишь для старшаго возраста. При томъ чтеніе это можетъ принести

дѣйствительную пользу только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, необходимъ большой тактъ со стороны преподавателя при выборѣ статей для чтенія, и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы у учащихся былъ сильный интересъ къ отечественной исторіи. А для того, чтобы этотъ интересъ былъ пробужденъ у нихъ, надо, чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія родная исторія не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувства учащихся, давала бы пищу и воображенію ихъ.—Для этого необходимо, кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя,—подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся...

Вполнѣ подходящаго для этого и законченнаго труда нѣтъ въ нашей учебной литературѣ; мы дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ. Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшія событія Русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ,—пересказать такъ, чтобы у читающихъ получалось сколько-нибудь живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное суевѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, гдѣ можно было, мы и старались показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ: нѣкоторые памятники (поученіе Владиміра Мономаха, Слово о Полку, мѣста изъ житія св. Θεодосія и пр.) переданы нами почти дословно. Личная жизнь, какъ известно, мало проявлялась въ древнія времена нашей исторіи; мало потому и біографическаго матеріала даютъ наши историческіе источники; но все-таки по нимъ хотя и въ общихъ чертахъ можно представить нѣсколько типовъ, порожденныхъ складомъ древней жизни и историческими обстоятельствами. Съ типомъ князя—суроваго и безпощаднаго воителя, читателя нашей книги познакомятся изъ преданій о первыхъ князьяхъ: Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ; съ типомъ воителя, смягченнымъ и просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ,—изъ разсказа о Владимірѣ Мономахѣ; съ непосѣдливымъ княземъ-удальцомъ удѣльно-вѣчеваго—періода изъ разсказа о Мстиславѣ Удаломъ. Типы монаховъ-подвижниковъ представлены въ разсказахъ о св. Θεодосіи и св. Сергіи. Въ концѣ начинается выясняться типъ князя-политика, скопидома, изворотливаго и дальновиднаго—въ разсказахъ о Юріи и Иванѣ Даниловичахъ.

Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то-же время избѣгать сухости.

4-го сентября, 1879 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

При второмъ изданіи нашей книги мы воспользовались замѣчаніями рецензентовъ, почтившихъ нашъ трудъ своимъ разборомъ; многое сообразно ихъ указаніямъ измѣнено или дополнено въ книгѣ. Приняты во вниманіе также и новые почтенные труды по Русской исторіи, которые явились въ свѣтъ

послѣ изданія перваго выпуска „Родной Старины“; главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:—Исторія Русской жизни. 2-я ч., соч. Н. Е. Забѣлина, Исторія Россіи 2-я ч., Д. И. Иловайскаго, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта, 2-я ч. П. Н. Полевого, Матеріалы для исторіи русской одежды В. Прохорова и др. Хотя мы болѣе всего держались первоисточниковъ,—русскихъ лѣтописей, сказаній иностранцевъ и пр., но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководились соображеніями и выводами названныхъ трудовъ, сверхъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

Болѣе существенныя перемѣны въ новомъ изданіи 1-го выпуска „Родной Старины“ слѣдующія: прибавлены рассказы подъ заглавіемъ „Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы“ (5—16 стр.) и „Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII ст. (187—198 стр.); затѣмъ сдѣланы дополненія въ разныхъ частяхъ книги, особенно въ IV главѣ „Время удѣльныхъ смуть и усобицъ“. Кроме того, каждую главу подраздѣлили мы на отдѣльные рассказы для болѣе удобнаго пользованія книгою. Всѣ эти дополненія и измѣненія увеличили объемъ книги почти на три печатныхъ листа. Самымъ важнымъ дополненіемъ считаемъ новыя политическія изображенія; ихъ прибавлено семьдесятъ два, такъ что общее число рисунковъ въ книгѣ болѣе, чѣмъ удвоилось, сравнительно съ первымъ изданіемъ, гдѣ ихъ было всего 53. Этой стороной нашего труда мы придаемъ большое значеніе: изображенія древнихъ зданій, одежды, оружія и пр., разбѣяныя по многимъ дорогимъ изданіямъ и ученымъ трудамъ, недоступнымъ по цѣнѣ не только большинству преподавателей, но и многимъ школьнымъ бібліотекамъ, собранныя въ нашей книгѣ, даютъ возможность примѣнить наглядность къ преподаванію отечественной исторіи у насъ въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Желая своей книгой дать учащимся такое пособіе, которое, восполняя свѣдѣнія учебника или уроки учителя, возбуждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ любознательность и послужило бы переходной ступенью къ чтенію большихъ научныхъ сочиненій по Русской исторіи, мы не могли ради занимательности жертвовать содержаніемъ и послѣдовательностью фактовъ, не останавливались только на болѣе эффектныхъ эпизодахъ, но говорили обо всемъ томъ, что находится въ общепринятыхъ руководствахъ по Русской исторіи. Но при этомъ обо всемъ второстепенномъ, неважномъ, говоримъ коротко, не многимъ больше, чѣмъ въ руководствахъ, говоримъ, насколько это нужно для связи событій и для пониманія ихъ; за то на болѣе существенномъ и характерномъ останавливаемся иногда значительно дольше, чѣмъ авторы большихъ научныхъ трудовъ,—стараясь, на сколько позволяетъ историческій матеріалъ, дать читателямъ живое представленіе о событіяхъ и лицахъ. Только при такомъ способѣ и возможно изложить въ небольшомъ объемѣ 3-хъ или 4-хъ выпусковъ сколько-нибудь полно и картинно важнѣйшія событія отечественной исторіи, не упуская въ то же время изъ виду и связи между ними.

Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на нашу книгу было выражено сожалѣніе, что къ ней не приложены карты. Не дали мы ихъ и теперь: хорошія карты значительно увеличили бы цѣну книги и сдѣлали бы ее менѣе доступною для учащихся, а помѣщать кое какія мы не хотѣли. При томъ существуетъ у насъ хорошій учебный атласъ по русской исторіи г. Добрякова, доступный по цѣнѣ и вполне удовлетворяющій своей цѣли.

6-го декабря, 1882 г.

Къ 3-му изданію.

Въ этомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія въ текстѣ (прибавленъ отдѣльный очеркъ „Первоучители славянъ,—Св. Кирилль и Меѳодій“ и введено нѣсколько подробностей въ разсказъ „Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха“). Сверхъ того добавлено 18 политипажей, и нѣкоторые изъ прежнихъ замѣнены новыми—лучшими. Въ концѣ книги мы помѣстили родословныя таблицы всѣхъ князей, упоминаемыхъ въ текстѣ, съ обозначеніемъ годовъ смерти каждаго изъ нихъ. Такія таблицы для справокъ, полагаемъ, не лишни въ учебномъ пособіи. Болѣе компактная печать дала возможность, при всѣхъ указанныхъ дополненіяхъ, немного даже уменьшить объемъ книги, и потому цѣна оставлена прежняя.

9 ноября, 1886 г.

В. Сиповскій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Откуда узнаемъ мы наше прошлое. .

Нолѣ тысячи лѣтъ минуло съ той поры, какъ положено начало русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупныхъ дѣлъ и хорошихъ, и дурныхъ; не мало бѣдъ и горя пережилъ русскій народъ; были у него и свѣтлые дни радости; были и люди, памяти о которыхъ дорогъ всякому русскому сердцу. Есть о чемъ поразсказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать намъ о томъ, что было за нѣсколько вѣковъ до насъ? Откуда провѣдать о стародавнихъ временахъ?

Жизнь народовъ обыкновенно не проходитъ безслѣдно. Устные разсказы о давноминувшихъ событіяхъ, древніе письменные памятники, зданія, утварь, оружіе и другія вещи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ, — все это слѣды минувшей жизни народа. Чѣмъ образованнѣе становятся люди, тѣмъ больше они дорожатъ этими остатками старины: понимаютъ, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его правовъ, обычаевъ, учрежденій; а узнать и вполне понять ихъ только и можно, уяснивъ себѣ, какъ складывались они въ многовѣковой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача исторіи, а всевозможные остатки старины служатъ источникомъ, откуда историкъ черпаетъ свѣдѣнія о быломъ.

Какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу врождено помнить свое прошлое и любить его. Кому не приходилось замѣчать, какъ любятъ разсказывать о минувшихъ дняхъ люди старые да бывалые, — какъ говорится, видавшіе виды на своемъ вѣку? Разсказываютъ они порой такъ хорошо, подробно да плавно, что и заслушаться ихъ можно. Память у стариковъ бываетъ верѣдко и богата, и таровата, — были бы только охотники слушать ихъ, а за охотой разсказывать дѣло у нихъ не станетъ.

Такая охота у старыхъ людей была во все времена. Разсказываютъ старики про былое своимъ дѣтямъ да внукамъ, и глубоко имъ въ память да въ

сердце западаютъ рассказы. Пройдетъ десятка два—три лѣтъ, — дѣды уже въ могилу сошли, внуки ихъ и дѣти сами стали отцами и дѣдами; рассказываютъ и они своимъ дѣтямъ о старой дѣдовской были и о томъ, что сами на своемъ вѣку видали. Такъ изъ роду въ родъ и передаются рассказы о быломъ, — потому и называютъ ихъ преданіями. Вѣка проходятъ, а сказанія о старинѣ, словно наследство заповѣдное, на ряду съ дѣдовскими обычаями переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Хоть и крѣпка бываетъ память у стариковъ на прошлое, а все-таки ей не сдержать всего, что они сами видывали и отъ другихъ слыхивали: ускользаютъ имена, путаются событія, забываются порой мѣсто и время, гдѣ и когда что случилось. Притомъ вѣдь не все, что знаешь, рассказывать хочется; что глубже врѣзалось въ память да къ сердцу ближе, только то и на языкъ просится. Лихія бѣды, подвиги молодецкіе, лютое горе и свѣтлыя радости — вотъ что больше всего сказывается въ народныхъ преданіяхъ. — На бѣду, когда сердце слишкомъ ужъ сильно заговорить, то умъ порой молчитъ... Иной рассказчикъ говоритъ о силѣ дивной могучаго богатыря, о чудесныхъ подвигахъ его, да невольпо отъ полноты души и прикинетъ отъ себя словцо — другое, гдѣ преувеличить, гдѣ приукрасить; смотришь, съ былью ужъ и сплелась небылица. Прешель такой рассказъ чрезъ уста нѣсколькихъ поколѣній, преданіе ужъ и въ сказку обратилось, и трудно въ ней распознать быль отъ небылицы. А то найдутся въ народѣ и такіе досужіе да умѣлые люди, что шныя сказанія въ пѣсни переложатъ: въ пѣснѣ они выходятъ складнѣе и слушать ихъ пріятнѣе.

Жизнь не стоитъ: года идутъ за годами; совершаются новыя дѣла; у каждаго поколѣнія — свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новыя сказанія, новыя пѣсни складываются. Онѣ мало-по-малу смѣшиваются между собою въ народной памяти; новое сплетается со старымъ или вытѣсплетъ его. Много древнихъ преданій и старыхъ пѣсенъ затерялось, забыто народомъ прежде, чѣмъ ученые стали у насъ собирать, записывать и изучать ихъ; но все же немало ихъ хранится и до сихъ поръ въ народной памяти. Давнымъ давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ тѣхъ, про кого говорится въ иной пѣснѣ, даже и отъ могилъ ихъ давно ужъ и слѣда нѣтъ, а живая пѣсня все еще говоритъ про ихъ дѣла; сотни лѣтъ проходятъ, а горе и радости ихъ все живутъ въ этихъ пѣсняхъ...

Народныя пѣсни, сказки, преданія служатъ историку драгоценнымъ устнымъ источникомъ. Не станетъ онъ черпать изъ нихъ свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, но узнаетъ отсюда, во что вѣрилъ народъ, на что надѣлся, что любилъ онъ и что изъ пережитаго и передуманнаго имъ особенно глубоко врѣзалось въ его память. Вотъ чѣмъ дорожи для исторіи устныя народныя произведенія.

Въ древности, когда у нашихъ предковъ и въ помятѣ еще не было письменности, въ наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей землѣ отъ бывалыхъ людей и разносили извѣстія о ней, порой вели записки, описывали нравы, обычаи, бытъ нашихъ предковъ. Много изъ этого источника можно почерпнуть любопытныхъ подробностей о старинномъ житьѣ-бытьѣ русскихъ; притомъ отсюда узнаемъ, какъ смотрѣли на насъ иноземцы въ ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, между грамотными монахами у нас нашлись такіе, которые стали вести записки о событіяхъ въ родной землѣ. Дѣлалось это сначала очень просто: выставляли года и подъ ними коротко отиѣчали, что случилось въ это время, а ничего особеннаго не было, то ничего и не писали, — годъ пустымъ оставался. Вереницы годовъ, или лѣтъ, съ короткими, отрывочными записями и называютъ лѣтописями.

Такихъ начальныхъ записей до нашего времени не сохранилось. Самый древній лѣтописный трудъ, дошедшій до насъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (полное его заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть“), относится къ XII вѣку. Составитель этой лѣтописи, кто бы ни былъ онъ, — инокъ ли Кіево-Печерской Лавры Несторъ, какъ думали прежде, или Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, какъ полагаютъ теперь, — потрудился не мало надъ своей книгой. Жилъ онъ въ концѣ XI и началъ XII ст., а задумалъ начать ее по примѣру греческихъ лѣтописцевъ со времени всемірнаго потопа. Пришлось ему собирать свѣдѣнія изъ греческихъ лѣтописей, изъ разныхъ сказаній и преданій, особенно же изъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ; пришлось все это сводить въ одно цѣлое, потому и называютъ трудъ его лѣтописнымъ сводомъ. Темное преданіе о первыхъ князьяхъ, благочестивое сказаніе о первыхъ христіанскихъ подвижникахъ на Руси, отрывочныя замѣтки о походѣ князя или нападѣніи хищныхъ враговъ, сказочный разсказъ бывалаго человека о какихъ-либо диковинахъ русской земли, — все дорого для него, все старательно заноситъ въ свою книгу простодушный составитель; только позднѣйшія событія могъ онъ описывать, какъ очевидецъ. Отрекся онъ отъ свѣта, хочетъ думать только о Богѣ, о спасеніи душевномъ, да не вырвать ему изъ сердца своего привязанности къ родной землѣ, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другимъ повѣдать о томъ, что самъ знаетъ. И встѣ, помолясь Богу, беретъ онъ усердно за своей трудъ: скорбно повѣствуетъ о неурядицахъ на Руси, о злодѣяніяхъ, о княжескихъ усобицахъ, съ умиленіемъ сердечнымъ заноситъ сказаніе о подвигахъ христіанскаго благочестія, приводитъ изъ св. писанія подходящія мѣста. На трудъ свой смотритъ онъ, какъ на дѣло богоугодное: будутъ читать лѣтопись князья, бояре, монахи, — узнаютъ, сколько зла творилось на землѣ, какъ Богъ каралъ за это нечестивыхъ, узнаютъ и хорошія дѣла, подвиги лучшихъ русскихъ людей, — и легче будетъ добрымъ людямъ избирать правые пути въ жизни и отъ зла сторониться. Нелегко было написать цѣлую книгу, когда приходилось букву за буквой вырисовывать; но лѣтописецъ усердно трудится: онъ надѣется „отъ Бога милость пріяти“, надѣется, что и люди прочтутъ его книгу и добрымъ словомъ помянутъ его.

Великое дѣло совершилъ трудолюбивый составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: изъ нея болѣе всего мы и узнаемъ о древнѣйшихъ событіяхъ на Руси, до 1110 года, которымъ заканчивается эта лѣтопись.

Вслѣдъ за нею стали вести лѣтописныя сказанія и въ другихъ городахъ, по монастырямъ, (Новгородскія лѣтописи, Псковская, Суздальская и друг.). Позднѣйшіе лѣтописцы обыкновенно списывали сначала „Повѣсть временныхъ

лѣтъ“, а затѣмъ ужъ сами продолжали, — отмѣчали больше событія тѣхъ областей и городовъ, гдѣ сами жили. Лѣтописи велись у насъ до XVII вѣка. Множество рукописныхъ лѣтописей дошло до нашего времени; но, къ сожалѣнію, самыя древнія изъ нихъ писаны не раньше конца XIV ст. и начала XV (Лаврентьевская и Ипатьевская); стало быть, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ сохранилась лишь въ позднѣйшихъ спискахъ.

Кромѣ лѣтописей, отъ древней письменности уцѣлѣло много отдѣльныхъ сказаній о достопамятныхъ событіяхъ, житій святыхъ, записокъ современниковъ, посланій; сохранились также древніе договоры, княжескія грамоты, указы, постановленія правительства, уставы, законы. Все это — драгоценныя для исторіи письменные источники.

Съ теченіемъ времени все больше и больше копилось разныхъ рукописей. Цѣлыя груды ихъ сотни лѣтъ таялись въ полной неизвѣстности въ монастырскихъ и другихъ древнихъ книгохранилищахъ. Съ XVI вѣка началось въ Москвѣ книгопечатаніе; по долго никто и не думалъ печатать драгоценныя для исторіи рукописи. Чтобы разобраться въ горахъ ихъ, распознать важныя отъ неважныхъ, нужны были не только трудъ и усердіе, но и знаніе и умѣніе; а ихъ то и не доставало у нашихъ предковъ. Не умѣли они даже и беречь дорогихъ рукописей: много ихъ затерялось, немало ихъ погибло не только отъ пожаровъ, но и отъ сырости да пыли.

Только съ прошлаго вѣка въ нашемъ отечествѣ зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великаго возникло въ Петербургѣ ученое учрежденіе, академія наукъ, куда призваны были ученые, за неимѣніемъ русскихъ, изъ Германіи. Между ними нашлись люди, знавшіе цѣну древнимъ рукописямъ, — стали ихъ старательно собирать, изучать, печатать. Начиная съ Ломоносова, перваго русскаго ученаго, и русскіе люди принимаютъ за науку. Многие стали усердно трудиться и надъ разными вопросами русской исторіи; иные пытались изложить ее послѣдовательно и связно съ древнѣйшихъ временъ. Въ началѣ нашего вѣка является знаменитый трудъ Карамзина: „Исторія государства Россійскаго“ (доведена до 1613 г.). Съ этого времени любовь къ старинѣ все растетъ и растетъ. Является все больше и больше ученыхъ, учреждаются цѣлыя общества любителей древностей, общими силами работаютъ надъ источниками русской исторіи. Дорога родная старина всякому, по дорожке всего она тому, кто всю жизнь кладетъ на изученіе ея: усердно роются ученые въ горахъ старинныхъ рукописей, изучаютъ древнія сказанія, темныя преданія, сказки, пѣсни, обычаи, повѣрія, языкъ народа, — древнія могилы (курганы) раскапываютъ, отыскиваютъ древнее оружіе, утварь и пр.; всюду ищутъ остатковъ старины, какъ золотоискатели золота.

И не напрасно ихъ трудъ: все больше и больше набирается свѣдѣній о старинѣ, все яснѣе и яснѣе возникаетъ прошлое предъ нами, — словно оживаетъ. Учреждаются новыя ученныя общества, работающія надъ русской стариной. Возникаетъ у насъ цѣлая наука древностей (археологія) съ многими отдѣлами, охватывающими все стороны древняго быта (старинныя зданія, иконы, древнія писмена, утварь, оружіе, одежды, монеты и пр.). Кромѣ большихъ государственныхъ собраній и хранилищъ древностей, какъ напр. Оружейная Палата

въ Москвѣ и Эрмитажъ въ Петербургѣ, изученію старины способствуютъ и частныя собранія древнихъ вещей у нѣкоторыхъ богатыхъ любителей древностей. Издаются, благодаря помощи правительства и частныхъ лицъ, лѣтописи, государственныя грамоты, изображенія древнихъ зданій, вещей, одеждъ. Являются богатыя собранія устныхъ, народныхъ произведеній (пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и пр.), издаются научныя изслѣдованія народныхъ обычаевъ, повѣрій. Правительство открываетъ свои собранія древнихъ документовъ и бумагъ (архивы) для любознательныхъ ученыхъ. Частныя лица, владѣющія важными для исторіи записками или письмами; обнародываютъ ихъ. Возникаетъ нѣсколько историческихъ журналовъ („Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Историческій Вѣстникъ“ и др.), которые издаются въ теченіи многихъ лѣтъ и не могутъ исчерпать всего нашего „историческаго богатства“, накопленнаго въ минувшіе годы.

Много даровитыхъ и высокоталантливыхъ ученыхъ, много и скромныхъ тружениковъ работало надъ русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать ихъ именами, если бы мы вздумали всѣхъ ихъ назвать. Всѣмъ имъ скажетъ сердечное спасибо всякій русскій, кому дорога родная старина, скажетъ большое спасибо и историкъ, которому и подумать нельзя было бы объ изложеніи исторіи, не будь подготовлено для нея источниковъ. А собрать ихъ и приготовить, какъ говорится, матеріалы для исторіи — дѣло очень нелегкое. Довѣрчивый лѣтописецъ спокойно запасилъ въ свой трудъ всякія извѣстія, преданія, рассказы, — не задумывался долго надъ тѣмъ, вѣрны ли они, или нѣтъ; а настоящій ученый можетъ пользоваться историческими свѣдѣніями лишь послѣ строгой, разумной провѣрки (критики) источниковъ: откроетъ ли онъ какое-либо неизвѣстное раньше древнее сказаніе, онъ прежде всего, если не помѣнитъ годъ, когда оно написано, постарается развѣдать по начертанію письменъ, по языку, какому времени принадлежитъ рукопись; если въ ней рассказано о какомъ-либо событіи, то изслѣдователь задумывается, могъ ли писавшій и хотѣлъ-ли сказать правду; найдетъ ли ученый изслѣдователь старины древнюю монету, онъ еще провѣритъ, такъ-ли стара она, какъ кажется, не поддѣльна-ли она и т. д. Только послѣ осторожныхъ, разумныхъ изысканій, порою очень долгихъ и кропотливыхъ, указана будетъ настоящая цѣна памятника для исторіи.

Послѣ такой разработки, послѣ изданія источниковъ можно вѣрнѣе и полнѣе излагать русскую исторію, чѣмъ прежде. Съ пятидесятихъ годовъ Соловьевъ началъ свой огромный трудъ (теперь 29 томовъ); затѣмъ появились многочисленные труды Костомарова, — они усилили въ русскомъ обществѣ любовь къ историческому чтенію. Наконецъ, въ наше время пачато нѣсколько новыхъ большихъ работъ по русской исторіи (Бестужева-Рюмина, Забѣлина и Иловайскаго), которые стараются рѣшить нѣкоторые темные вопросы нашей исторіи и осѣлтитъ полнѣе древне-русскую жизнь.

Надъ разъясненіемъ ея много еще придется поработать и теперешнимъ нашимъ историкамъ, и будущимъ. Нелегко разобраться въ грудяхъ письменныхъ, вещевыхъ, и устныхъ источниковъ; еще труднѣе добыть изъ нихъ то, что составляетъ главную задачу всякой науки, — правду, ту правду, которую и народъ нашъ высоко цѣнитъ и говоритъ о ней въ своихъ пословицахъ:

„Правда свѣтлѣ солнца, дороже золота“, „Безъ правды не живутъ люди, а только маются“.

Образованные люди могутъ узнавать эту правду о родной старинѣ изъ трудовъ ученыхъ; грамотному простолюдину кое-что скажутъ о ней доступныя ему книжки; неграмотный же людь узнаетъ о ней отъ грамотныхъ, а въ глухихъ уголкахъ нашей земли нерѣдко тѣмъ же способомъ, какъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ, — изъ рассказовъ стариковъ, преданій да пѣсень. Все рѣже и рѣже слышатся въ нашихъ деревняхъ старинныя пѣсни: онѣ мало-по-малу вытѣсняются новыми, книжными. Былины о старыхъ богатыряхъ сказываются только кое-гдѣ у насъ на сѣверѣ уже немногими умѣлыми стариками; на югѣ Россіи былины этихъ народъ уже не знаетъ, — ихъ замѣнили пѣсни (думы) о казацкихъ временахъ. Здѣсь встрѣчаются еще, хотя и рѣдко, народные пѣвцы (кобзари), большею частью нищіе-слѣпцы. Но и до сихъ поръ можно видѣть, какое великое значеніе имѣли они для народа. Ходятъ они за своими поводырями (вожаками) изъ села въ село. Вездѣ кобзарь — желанный гость, — куда ни придетъ онъ, вокругъ него скоро собирается толпа и стараго, и юнаго люда: вслѣдствію хочется послушать пѣсни о старинѣ. Играетъ кобзарь на своей кобзѣ (родъ гитары) и подъ звуки ея струнъ поетъ свою пѣсню: поетъ онъ о томъ, какъ попадали казаки въ татарскую или турецкую неволю, о мукахъ нестерпимыхъ, какія выносили они въ рукахъ басурманъ, — уныло звучитъ старческій голосъ пѣвца, струны жалобно стонутъ. Стоятъ кругомъ слушатели, стоятъ недвижно съ опущенными головами, словно слышать они стоны предковъ своихъ, — слышать, а помочь не могутъ... Ковчилъ свою пѣсню кобзарь. Смутно у всѣхъ на душѣ. Но вотъ онъ снова запѣлъ, и запѣлъ иную пѣсню: поетъ онъ про степь широкою, вольною, поетъ о томъ, какъ по пей разливалась удалъ казацкая, поетъ про лихіе подвиги пращуровъ, про силу ихъ могучую. Звонче гудятъ живыя струны; крѣпнеть голосъ стараго пѣвца, будто молодость вернулась къ нему. Подымаются опущенныя головы слушателей, расправляютъ свои согнутыя спины старыя казаки, а у молодыхъ и глаза блещутъ, — почували они, что и въ ихъ жилахъ течетъ казацкая пращуровская кровь...

